

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию

Данилова Вадима Валерьевича

«АРХИТЕКТУРНАЯ КРИТИКА» КАК КОНЦЕПТ РОССИЙСКОЙ МЕДИАКУЛЬТУРЫ 1990–2000-Х ГГ.»

представленную на соискание ученой степени кандидата культурологии по специальности 5.10.1 - теория и история культуры, искусства (культурология)

Диссертация В. В. Данилова посвящена изучению процесса развития архитектурной критики в концептуальном пространстве отечественной медиакультуры. Объектом исследования выступает архитектурная журналистика периода 1990-2000-х гг. в печатных и сетевых российских медиа, а предметом – те новые способы создания экспертного знания в российской медиакультуре, которые конструируются с помощью концепта «архитектурная критика».

Актуальность темы определяется методологическим инструментарием, который использует автор исследования; этот инструментарий позволяет ему исследовать архитектурную критику как важную составную часть современной медиакультуры России, раскрывая закономерности и особенности ее существования. Дело в том, что в современной науке проблемы архитектуры – достаточно узкого предметного поля – зачастую остаются в пределах специализированного обсуждения эстетических, теоретически и исторических проблем архитектуры. В. В. Данилов же рассматривает архитектурную критику как «исторически, социально и культурно обусловленный концепт», как корпус текстов, созданных в разных институциональных средах различными акторами. Он трактует архитектурную критику как феномен медиакультуры, увязывает ее с формированием «медийного ландшафта эпохи». Это позволяет выявить более глубокую обусловленность возникновения и трансформации архитектурной критики, связанную с социально-экономическими процессами в России 1990-х – 2000-х гг. Ведь – как справедливо отмечено в диссертации – «сама по себе архитектурная критика является менее устоявшейся культурной формой, чем более традиционные модели художественной критики: литературной, театральной, кинематографической» (с. 4); и если обоснованность и актуальность анализа, скажем, литературной критики как феномена, далеко выходящего за пределы строго литературоведческого анализа, вполне очевидна, то в отношении критики архитектурной работа В. В. Данилова является в значительной мере

первопроходческой – пожалуй, после работ В. Г. Басса, которые вполне закономерно послужили для автора диссертации методологическим ориентиром.

Степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации

Методологические установки диссертации В. В. Данилова определяют и высокую степень обоснованности выводов работы. В ней убедительно раскрыт процесс трансформации архитектурной критики, определявшийся преобразованием медиакультуры в условиях распада плановой экономики СССР.

Автор подвергает обоснованной и серьезной критике упрощающий взгляд на историю архитектурной критики как на «последовательное развитие экспертного знания в архитектурной сфере», на обширном материале демонстрируя, что само экспертное знание формируется в социально-культурном и социально-экономическом контексте, что оно производится в рамках *борьбы за гегемонию*. Он показывает, как узкоспециализированная архитектурная критика «советского типа» сталкивается в 1990-х гг. с конкурентом в лице новой архитектурной критики, которую на страницах популярных газет и журналов создавали авторы, не имевшие профессиональной архитектурной подготовки и практики: «Быстро сместив при новой расстановке медийных сил носителей профессионального архитектурного знания, новые критики по сути сами создавали свою экспертность в борьбе за дискурсивную гегемонию» (с. 246).

С опорой на идеи Э. Лаклау и Ш. Муфф автору удалось проанализировать дискурсивную специфику новой архитектурной критики, выявив ее ключевые составляющие. Это прежде всего конструирование фигуры автора-творца, ориентация на иностранные (западные) образцы, своеобразное отношение к советскому градостроительному творчеству. Архитектурная критика шагнула из узкопрофессиональных сфер (архитектура, строительство, градостроение) в «сферу культурного потребления», что, по обоснованному мнению В. В. Данилова, отражало трансформацию роли самой архитектуры, ставшей способом транслировать потребительские модели (с. 247). В. В. Данилов особо подчеркивает парадокс: хотя позиционировали себя авторы новой архитектурной критики прежде всего как экспертов, развитие медиакультуры и кризис экспертного знания потребовало постоянного и радикального упрощения экспертного дискурса.

Научная достоверность и новизна исследования

Исследование В. В. Данилова впервые анализирует современную архитектурную критику как феномен медиаккультуры, исследуя ее на обширном материале отечественных медиа 1990-х – 2000-х гг. Цель исследования В. В. Данилова – «выяснить, как процессы, происходящие в архитектурной среде и социально-культурном пространстве в условиях постсоветских трансформаций, приводят к смещению границ экспертного знания в медиатизированной среде» (с. 9). Этой цели автору удалось достичь. Работа фундирована, ее достоверность обеспечена обширной источниковой базой и солидным методологическим аппаратом; автор интенсивно привлекает исследования на различных языках, обращается к международному опыту. В основу исследования легли публицистические тексты об архитектуре, увидевшие свет на страницах газет, журналов, а также ресурсов сети Интернет (как популярных, так и узкоспециализированных). Общее количество таких текстов составляет более 170 единиц, что представляется достаточным для продуктивного исследования.

Ценность результатов, полученных автором для соответствующей отрасли науки

Ценность полученных автором результатов определяется значимостью, которой результаты эти имеют для изучения российской медийной сферы 1990-х – 2000-х гг. Эта значимость велика. Автор предлагает последовательный, цельный и емкий анализ всего направления новой архитектурной критики, рассматривая процессы встраивания новой архитектурной критики в системы коммодификации. В деталях освещает автор этот переход представителей новой архитектурной критики от позиции публичных интеллектуалов с претензией на независимость к новой институционализации – в рамках ли урбанизма, в рамках ли гламурных медиа, ориентированных на «продающие тексты». Связь этой эволюции с общим развитием медийного ландшафта и – шире – с социально-экономическими переменами в стране показана автором весьма убедительно.

Оценка содержания диссертации и ее завершенности

В состав работы входят 3 главы, введение и заключение, а также список литературы и источников. Во введении обозначены предмет и объект исследования, сформулированы цель и задача работы.

В главе 1 «Архитектурная критика: теоретико-исторические аспекты изучения феномена» рассмотрены основные подходы к определению понятия архитектурной критики как объекта исследования, предложена характеристика архитектурной критики советского периода, выявлены ключевые институциональные и социально-экономические черты *новой архитектурной критики*. В. В. Данилов опирается на методологические и концептуальные разработки таких ученых, как Н. В. Багрова, В. Г. Басс, Дж. А. Гюзера и целого ряда других отечественных и зарубежных специалистов. Системообразующими для исследования являются определения экспертного знания как выходящего – под влиянием современных медиа – из институционального поля в пространство «индивидуального предприятия»; отсюда и принципиальное значение «саморепрезентации» экспертов (с. 48). Советскую архитектурную критику В. В. Данилов характеризует именно как институциональную, страдающую от чрезмерно формализованного языка, от выхолощенной, бесцветной, штампованной риторики и, конечно, лишенную критического запала. Большой интерес представляет анализ автором ряда работ, посвященных теории и истории архитектурной критики, появившихся в СССР в 1980-х гг.

В. В. Данилов отмечает: «Советская дискуссия об архитектурной критике оказывается замкнутой сама на себя – в ней считывается запрос на появление внешней фигуры критика, не обремененной институциональными рамками и внутрицеховой солидарностью... Реальные же трансформации, которые претерпевает архитектурная критика в перестроечный период, оказываются за пределами поля зрения тех представителей архитектурной среды, кто наиболее активно рассуждал о необходимости преобразований. Впрочем, данные преобразования нельзя отнести к радикальным трансформациям – круг производителей архитектурной критики не меняется, а появления новых экспертов не наблюдается» (с. 69). Эта институциональная среда профессиональных архитекторов сохраняется и в 1990-х гг., но теперь в конкуренцию с ней вступает новая архитектурная критика. Институциональная критика продолжает действовать по старым лекалам, однако «совершенно иными представляются в постсоветский период отношения архитектуры и власти: представители последней превращаются в наиболее богатых, влиятельных и деспотичных заказчиков» (с. 78); в этих условиях институциональная критика советского типа превращается в систему конформистского обоснования решений подобных заказчиков, связанную своего рода «круговой порукой». С этой системой и вступает в конфронтацию новая архитектурная критика, однако –

поскольку представители ее сами не являются архитекторами и не влияют напрямую на архитектурный процесс – «дискурсивная борьба критиков разворачивается в первую очередь не за реальные культурно-политические перемены, а за широкое признание собственного экспертного статуса» (с. 83).

В главе 2 «Формы и функции архитектурной критики в медиакulturе 1990-2000-х годов» последовательно изучены важнейшие аспекты функционирования новой архитектурной критики в контексте трансформаций российской медиакulturы того периода. В. В. Данилов показывает, как новая архитектурная критика возникла в качестве части новой культурной журналистики, отмежевываясь от старой критики советского типа. К этой критике автор диссертации относится сурово. Он отмечает: «Критика, написанная на выхолощенном за десятилетия советском архитектурном языке “объемно-пространственной композиции”, оставалась по большей части предельно нейтральным и отстраненным образцом «гладкого» профессионального жаргона... Дискурсивная модель советской архитектуры, часто в предельно штампованном и клишированном виде, продолжает своё существование в рамках постсоветской профессиональной среды» (с. 90). На нескольких страницах автор емко характеризует недостатки этого профессионального языка, критикует его перегруженность сциентизмом, установкой на чисто формальный анализ соотношения отдельных элементов здания, оцениваемых в понятиях «пластичности», «композиционного единства», «объема». Вердикт автора неутешителен: «Архитектурная периодика теряет “завоевания” перестроечного периода, демонстрируя тенденции к профессиональной изоляции и воспроизведению устоявшихся нарративов советской архитектуры. Новые итерации архитектурной критики представляют собой профессиональный продукт для внутреннего потребления незначительной частью архитектурного сообщества, в зависимости от принадлежности к тем или иным объединениям и кругам архитекторов. Больше не ставится вопрос о необходимости расширения аудитории критики, теряется и её просветительский пафос, свойственный эпохе советского модернизма» (с. 97).

А что же стало альтернативой? С 1993 г. проблемы архитектуры начинают постепенно занимать все больше места на страницах неспециализированных изданий, оказываясь рядом с критикой литературной, музыкальной, театральной... Ключевыми фигурами здесь стали Г. Ревзин, М. Тумаркин, А. Мартовицкая и ряд других авторов. Первоначально эта новая архитектурная критика возникла как демонстративно «элитарный», интеллектуальный дискурс,

подчеркивающий особый статус изданий, в которых они публикуются – «одна из производных демонстративного потребления владельцев крупнотиражных газет» (с. 115). На массового читателя эта критика не ориентировалась, однако далека она была и от институциональной критики с ее «объемами» и «композиционным единством». Вместо «композиционного единства» здесь принято было говорить о философии М. Фуко. Однако по мере развития нового медийного поля на протяжении 1990-х гг. эта ориентация на узкий круг читателей вытесняется новыми стратегиями завоевания читательского интереса, неотъемлемой частью чего стали ирония и юмор. Для того, чтобы удерживать внимание растущей читательской аудитории, представителям новой архитектурной критики – интегрированной отныне в более широкое пространство культурной публицистики – приходится создавать сочный, грубый и яркий язык, переполненный метафорами и хлесткими *bon mots*. Вполне обоснованно В. В. Данилов связывает это с тектоническими сдвигами в системе экономики: «Разделившаяся по классовому признаку архитектура попадает в сферу интересов новой буржуазии сразу с нескольких сторон – как непосредственный товар, обладающий определёнными коннотациями («элитные» жилые комплексы, европейские технологии, «авторская» архитектура) и как элемент культурного капитала. В новых условиях обладание «хорошим вкусом» в области архитектуры становится необходимым для того, чтобы успешно сориентироваться не только в покупке недвижимости, но и в практиках культурного потребления, которые теперь соотносятся с определённым набором эстетических предпочтений. Таким образом в полной мере раскрывается роль архитектурного критика как медиатора: он производит нарративы современной архитектуры, конструирует общественно-политический смысл архитектурного процесса» (с. 123).

Неудивительно, что в 2000-х гг. новая архитектурная критика успешно вписывается в информационное пространство *гламура*, подчиняясь его суровым правилам: «Пространство глянцевого журнала не терпит освещения негативных сторон архитектуры и привнесения лишнего политического контекста – до тех пор, пока это не становится возможным превратить в модный продукт. Глянцевая критика также не может существовать без визуального расширения в виде широкоформатных снимков, призванных запечатлеть идеальный образ архитектуры в качестве объекта потребления – изображение и текст становятся равнозначны. Можно сказать, что в таком контексте экспертная функция критика сводится к положению квалифицированного проводника в мир элитного

потребления, который находится в заранее заданных координатах» (с. 135). Здесь культивируется «семиотика избранности», темы неудач и ошибок исчезают, а место дискурса «борьбы» занимает дискурс «постепенного развития». С другой стороны, возникновение сетевых Интернет-изданий открыло возможности для интерактивного взаимодействия с аудиторией; эту возможность представители новой архитектурной критики мастерски использовали для укрепления своего статуса.

В главе 3 «Экспертное знание в дискурсе архитектурной критики 1990–2000-х гг.» проанализированы дискурсивные элементы новой архитектурной критики. В. В. Данилов рассматривает стратегии саморепрезентации, подходы к определению экспертности, важнейшие категории дискурса и конструирование мифологии современной российской архитектуры. Он показывает, что основной стратегией саморепрезентации для представителей новой архитектурной критики стало позиционирование в качестве «публичного интеллектуала»: «В качестве одного из действующих лиц массовой культуры 1990-2000-х гг., архитектурный критик является не только интерпретатором архитектурных новинок для широкой аудитории, но и знатоком политических скандалов и интриг, которые сопровождают новое строительство. Функция критика теперь представляется не просто в информировании читателя о новых постройках, скорее наоборот: архитектура является лишь предлогом для эстетического дебата, культурной и политической аналитики» (с. 150).

От критиков теперь требовалось искусство саморепрезентации, позволяющее удерживать симпатии аудитории (в это искусство входит, например, владение иронией). Вместе с тем, критики конструируют свою аудиторию, противопоставляя ее – как «образованное меньшинство» – позициям «обывателей», подверженных «дурновкусию» и идущих на поводу у городских властей (с. 158). Это в значительной мере культуртрегерская позиция, которая одновременно представляет собой языковую игру: «Идея удаления, отстранения от неподатливой массы и институций, разумеется, не подразумевает ухода реального – речь идёт о закреплении границ “образованного меньшинства” читателей, потенциально разделяющих идеи критика» (с. 157). В. В. Данилов умело деконструирует языковую игру: «Критики часто изображают заинтересованную в архитектурной тематике аудиторию либо как лишённую инструментов для её понимания, либо как вовсе отсутствующую – такая картина “тёмной” воображаемой публики, ситуации, когда к голосу критика никто не прислушивается, является лишь элементом игры с действительным читателем,

дающей последнему почувствовать собственную избранность в качестве потребителя уникальной экспертизы» (с. 178).

Равным образом и ценности дискуссии о принятии архитектурных решений В. В. Данилов справедливо трактует как следствие дискурсивной борьбы за гегемонию: «“Дискуссионность” конструируется как самостоятельная ценность, однако имеет в первую очередь инструментальное применение – критика находится на стороне “общественного мнения” и альтернативных позиций лишь до тех пор, пока они имеют ценность для продвижения их собственной повестки. <...> В ситуациях, когда критики производят нарратив о героическом сопротивлении архитектора властным инстанциям, прихотям заказчика и общественному вкусу, о дискуссии речь также не идёт. Напротив, в рецензиях возникает пренебрежительное “рядовые граждане” и “москвичи” – публика, не вовлеченная в архитектурный процесс, а если и вовлеченная, то воплощающая в себе худшие черты консерватизма и конформизма» (с. 187–188). Особое место В. В. Данилов уделяет проблеме «западного образца» в новой архитектурной критике (он называет это «ориентацией на “актуальную архитектуру”»). Подчеркивая, что и в советской традиции принято было внимательно изучать достижения иностранных архитекторов, В. В. Данилов констатирует: «Образ Запада конструируется как пространство успешной реализации идеалов “актуальной архитектуры”, на которое критики призывают ориентироваться. Западная архитектурная практика мыслится как нечто достаточно однородное, лишённое противоречий... Настоящий момент в дискурсе критики представлен как ситуация архитектурной отсталости, выправить которую возможно лишь путем широкого принятия установок “актуальной архитектуры”» (с. 196).

Неудивительно, что подобная ценностная установка привела в конце концов к разочарованию: уже к 2000-м гг. оказалось, что «местные агрессивные девелоперские практики и экономические схемы не уникальны, а европейские бюро первого ряда также вполне готовы поступаться принципами ради финансовой выгоды» (с. 302). Парадоксальным образом это не привело к тому, чтобы новая архитектурная критика отказалась от ориентации на «актуальную архитектуру», сохраняя пиетет перед «западным» и «европейским» на протяжении 2000-х гг. «Актуальная архитектура» трактуется здесь и как «архитектура нормальности»; для новой архитектурной критики «именно наступление «нормы» является наиболее желанным результатом архитектурного прогресса, отражая отмеченные Гройсом ещё позднесоветские культурные

установки, избегающие любого радикализма и утопизма» (с. 202). Подчеркнуто ориентируясь на «западное», новая архитектурная критика дистанцировалась от советского модернистского наследия (В. В. Данилов справедливо отмечает, что последовательная «реабилитация» этого наследия развернулась в 2010-х гг., когда эпоха новой архитектурной критики уже завершалась), считая его продуктом «архитектурно бессмысленной эпохи» и периода изоляции от глобального (читай: западного!) развития. Действительно, авторы новой архитектурной критики, как правило, рисовали советскую градостроительную практику в самых черных тонах, создав целый набор отрицательных клише об уродливых «спальных кварталах», отсутствии творческой индивидуальности в «антиархитектурных» условиях позднего СССР.

Помимо общих «антимодернистских» установок, характерных для 1980-х – 1990-х гг., здесь есть и российская специфика: «Ситуация рыночной экономики в архитектуре 1990-х гг. ревальвирует статус творца-одиночки, приводит архитектурную практику к появлению «персональных брендов» – отсюда подчеркнуто негативное отношение к коллективному архитектурному творчеству эпохи советского модернизма, ситуации, когда у отдельных построек невозможно было выделить какого-то одного, наиболее значимого автора» (с. 216–217). Однако в 2010-х гг. представители новой архитектурной критики успешно интегрировались в новые экспертные институты, ставшие продуктами «урбанистической революции» – появления новой парадигмы градостроения, ориентированной на работу не с отдельными архитектурными сооружениями, а с городской средой в целом.

В заключении автор сжато подводит основные итоги своей работы. Диссертационное исследование В. В. Данилова представляет собой цельную работу, опирающуюся на солидный источниковый и методологический фундамент, логично выстроенную и грамотно структурированную. Тезисы, положения и выводы, которые автор выносит на защиту, хорошо продуманы, обоснованы, отличаются четкостью и последовательностью. Работа богата по своему идейному наполнению. Без сомнения, диссертация станет вкладом в современное изучение медиасферы, медийного дискурса, а равно и проблем урбанистики, городской истории.

Несмотря на общую высокую оценку работы, следует высказать ряд замечаний.

1. Автор в своей работе не проводит географических границ, трактуя новую архитектурную критику как единый национальный феномен. Вместе с тем, в

фокусе исследования находятся по преимуществу столичные авторы – Г. Ревзин, Малинин и ряд других. Безусловно, влияние этого круга авторов была огромной в рассматриваемый период; и все же было бы интересным обозначить специфику и других городов, прежде всего Санкт-Петербурга с его богатой культурной и архитектурной традицией и, например, Нижнего Новгорода, где в 1990-х гг. шло формирование представлений о «нижегородской архитектурной школе», тоже являющейся дискурсивным феноменом.

Подобная географическая диверсификация позволила бы автору дать еще более рельефную, емкую картину формирования новой архитектурной критики в России, еще глубже связать ее с социальными, культурными и политическими процессами, шедшими в стране. Конечно, эти сюжеты нашли определенное отражение в диссертации, автора нельзя упрекнуть в том, что он их игнорирует, однако, как представляется, необходимо более содержательное обоснование отказа от подобной диверсификации.

2. Недостаточно глубоко следует признать анализ автором советской архитектурной критики и советской архитектурной мысли в целом; представляется, что В. В. Данилов несколько упростил положение дел, складывавшееся в советской градостроительной сфере. В диссертации он отмечает: «Практически на всем протяжении своей истории сфокусированная в первую очередь на решении строительных вопросов, советская архитектура не породила особой искусствоведческой традиции, специального языка, который мог бы быть использован в коммуникации с непрофессиональной аудиторией» (с. 167). С этим нельзя согласиться без оговорок: советское градостроение и архитектура постоянно находилось в фокусе широкой дискуссии, связанной, во-первых, с противостоянием внутри самого архитектурного сообщества, а во-вторых, с «вторжениями» на это поле представителей иных сообществ. Достаточно вспомнить того же В. Л. Глазычева, которого автор упоминает, но почему-то лишь походя.

И здесь плохую услугу автору оказывает фиксация на московских текстах: географическая диверсификация исследования позволила бы обнаружить кейсы интенсивных споров об архитектуре в провинции. Приведу пример – один из ведущих свердловских публицистов Б. С. Рябинин, прославившийся в 1950-х гг. художественной литературой о животных, с 1960-х гг. основное внимание в своей литературной деятельности уделял проблемам градостроения, архитектуры, сохранения памятников и экологии. Не будучи специалистом по

архитектуре, Рябинин охотно полемизировал и с архитекторами, и с городскими руководителями, выступая подчас с бескомпромиссных позиций.

Конечно, архитектурный «официоз» вплоть до начала перестройки вел себя именно так, как описывает в диссертации В. В. Данилов, но это не означает, что не было других голосов. Автор ведь и сам их упоминает, когда речь заходит о деятельности по сохранению наследия, но не вдается в детали – в этом случае надо бы разъяснить, почему работа по сохранению, реставрации и приспособлению исторических сооружений не входит в рамки понятия об архитектурной критике. Обращение к этим сюжетам, конечно, усложнило бы работу, зато и открыло бы дополнительные, важные аспекты проблематики.

3. Автор вполне справедливо рассматривает дискурсивные стратегии представителей новой архитектурной критики как стратегии достижения гегемонии. В борьбе за гегемонию авторы подвергали уничтожающей критике как предшествующую традицию «антиархитектурного» и «безликого» советского модернизма, так и «китчевую» архитектуру постсоветской России, в частности, так называемый «лужковский стиль». Однако автор ограничивается исследованием дискурса новой архитектурной критики и не совершает экскурсов на поле противников – или жертв? – этой критики.

Конечно, в работе рассмотрено функционирование старой архитектурной критики старого типа, однако неужели ей одной можно исчерпать пеструю коалицию сторонников «лужковского стиля». Приведу пример: в работе 8 раз упоминается ключевая фигура «лужковского стиля», архитектор М. Посохин; однако все разы речь идет о высказываниях представителей новой архитектурной школы о Посохине. А ведь Посохин сам выступал публицистом, автором книг...

Быть может, стоило включить в диссертацию более пространные разделы о теоретических и практических позициях этого круга специалистов – или, по крайней мере, оговорить, что их творчество в полной мере исчерпывается подходами старой архитектурной критики, у которой, по хлесткому выражению Н. Малинина, «“оконный проем” неизменно “венчает лестничный пролет”» (с. 170). Имел ли значение для этих авторов и архитекторов «западный образец», как они относились к советскому модернизму – вряд ли они, организаторы сноса гостиницы «Интурист» (жаль, что этот кейс не рассмотрен в диссертации), испытывали к нему симпатии.

Высказанные выше замечания не снижают общей высокой оценки диссертации. Работа В. В. Данилова – интересное, яркое и оригинальное исследование, которое, без сомнения, вызовет интерес широкого круга

специалистов, представляющих различные социальные и гуманитарные научные дисциплины.

Заключение о соответствии диссертации критериям, установленным положением о Порядке присуждения ученых степеней:

Диссертация Данилова Вадима Валерьевича «“Архитектурная критика” как концепт российской медиакультуры 1990–2000-х гг.» является самостоятельным, завершенным исследованием, обладающим актуальностью и новизной. В диссертации успешно решены научные задачи изучения специфики формирования новой архитектурной критики, выявления ее социокультурных функций и дискурсивных особенностей. Выводы исследования убедительны, обоснованны и достоверны, что отражено в положениях, выносимых на защиту. Основные результаты диссертации обладают практической и теоретической значимостью. Содержание автореферата соответствует диссертации. Результаты исследования в достаточной степени отражены в рецензируемых изданиях в количестве 3 публикаций в изданиях, рекомендованных ВАК Российской Федерации, а также 2 публикациях в других изданиях.

Диссертация Данилова Вадима Валерьевича «“Архитектурная критика” как концепт российской медиакультуры 1990–2000-х гг.» соответствует критериям пп. 9–14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации № 842 от 24.09.2013 г. (с изменениями, внесенными постановлением Правительства Российской Федерации № 62 от 25.01.2024). Автор диссертации заслуживает присуждения степени кандидата культурологии по специальности 5.10.1 – теория и история культуры, искусства (культурология).

*Официальный оппонент,
Доктор исторических наук, доцент*

11.03.2026

Сведения об оппоненте: Бугров Константин Дмитриевич, доктор исторических наук (07.00.02 – Отечественная история), доцент, ведущий научный сотрудник лаборатории междисциплинарных гуманитарных исследований Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, 620066, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16, e-mail: ia-history@mail.ru, сайт <http://www.ihist.uran.ru/>, e-mail: k.d.bugrov@gmail.com, тел. +79221796002.

